

Был ещё один полдень. Огромное солнце в небе обжигало листья деревьев, пока они слегка не завились. Первоначально буйный пёс уже давно ушёл в тень под деревом, высунув язык и глядя на курицу, копающуюся в земле перед ним. Вчера дети усадьбы отведали сладкую награду, поэтому сегодня они ловили жаб с ещё большей энергией.

Чжан Сяо Бао и Ван Цзюань, которые только что выпили молока, также не выдержали усталости молодого тела и легли спать рядом. Интао, как обычно, сидела на табурете у дверного проёма и клевала носом. Госпожа Ван-ши (1) – или, скорее, Цяо'эр, мать Чжан Сяо Бао – занялась делами поместья.

Управляющий расхаживал по комнате, на мгновение взглянув вперёд, чтобы увидеть, есть ли что-нибудь, что могло бы повлиять на сон маленького господина, а в другой момент вернулся обратно, туда, где они ремонтировали дом во внутреннем дворе, чтобы сказать работникам поторопиться, и в то же время потребовать, чтобы они не шумели.

Проспав в течение двух часов, Чжан Сяо Бао и Ван Цзюань почти одновременно проснулись. Они открыли глаза, чтобы осмотреться, и после некоторого обсуждения приготовились упражнять своё тело, чтобы для начала научиться ходить. Может быть, это из-за того, что их всегда носили люди, но они ещё не научились ходить.

– Не могу поверить, что твой отец на самом деле книжный червь, – Ван Цзюань в шутку сказала, подталкивая Чжан Сяо Бао.

– Книжный червь тоже хорош. Пока я могу его видеть и знать, что это мой отец, всё в порядке. Вчера он на самом деле рассказывал мне об Аналектах (2). Зачем мне всё это знать? – Чжан Сяо Бао вспомнил, как вчера приходил его отец. Не было ложью, что его отец был книжным червём, но, услышав, как его сын сказал "папа", мужчина всё равно стал счастливым, как любой другой обычный человек, и сразу же обнял его, начав читать Аналекты.

– Имперские экзамены (3) времен династии Тан сдать нелегко. Я не знаю, сможет ли твой отец добиться успеха, – Ван Цзюань немного завидовала Чжан Сяо Бао. В основном потому, что до сих пор она всё ещё не видела своих родителей в этой жизни. На самом деле, казалось, им было всё равно после того, как они отправили её в другую семью. Она пила молоко вместе с Чжан Сяо Бао из груди госпожи Ван-ши. Это было не так хорошо, как она себе представляла. Но кто позволил её собственной матери не иметь грудного молока? Они упомянули об этом, когда девочка вчера слушала их разговор.

– Неправильно. Имперские экзамены династии Тан сдать легче всего. Пока твоя репутация становится известной и вы находите нужных людей, никаких проблем не возникнет. Для меня это тоже не препятствие. Даже если бы я использовал деньги, чтобы разбить его, я проложу большую золотую дорогу своему отцу. Из того, что я слышал вчера, твои родители придут сюда сегодня. В то время не стесняйся. Когда тебе представится шанс обратиться к маме, скажи "мама"; когда тебе представится шанс обратиться к папе, скажи "папа", – Чжан Сяо Бао был уверен, что у него есть несколько хитростей, когда дело касается продвижения по службе.

- Мой собственный папа и мама всё ещё живы, и теперь мне придётся ещё кого-нибудь называть папа и мама - это всё твоя вина, - Ван Цзюань жаловалась уже больше по привычке.

- Ты Сянлинь Сао (4)?

- Просто комментировать нельзя? Не думай, что, солгав вместе с тобой, я выйду за тебя замуж в будущем. Может, найду кого-нибудь получше! Хмм! - Ван Цзюань презрительно ответила.

Чжан Сяо Бао взглянул на Ван Цзюань и вздохнул:

- Ты старая дева тридцати лет, а у тебя до сих пор даже не было парня. Ты по-детски со мной разыгралась, но сколько тебе лет? Найдёшь кого-нибудь ещё? Найдёшь кого-нибудь ещё, кто будет относиться к тебе так же, как я? Это династия Тан. Как бы он ни был открыт и свободен, это всё равно женоненавистник патриархального общества! Я понесу здесь небольшую потерю - кто позволил мне затащить тебя сюда?

- Замолчи! Слезай уже! - Ван Цзюань, очевидно, не хотела слышать, как Чжан Сяо Бао говорит эти жестокие слова, а потому заставила его слезть с дивана, на котором они сидели.

Чжан Сяо Бао заглянул с дивана, чтобы оценить высоту. Он сказал с некоторой неуверенностью:

- Так высоко. Если я попытаюсь слезть, я могу упасть. Кроме того, я приму это, если упаду, но как насчёт тебя? Разве мы не собирались вместе практиковаться в ходьбе?

- Ты глупый? Ты спустишься и поймаешь меня, находясь внизу. Я спрыгну на твоё тело. Теоретически, от падения ты не пострадаешь. Ты толстый и пухлый, так что будешь мясной подушкой. Спускайся быстрее и не ищи оправданий. Ты мог спрыгнуть с пятнадцати метров и без приспособлений забраться на стену девятиметровой высоты. Как ты можешь бояться такой незначительной высоты? - Ван Цзюань энергично подтолкнула Чжан Сяо Бао к краю дивана.

Чжан Сяо Бао постоянно делал глубокие вдохи, настраивая собственное состояние. Увидев, что он почти на краю, мальчик оглянулся и сказал:

- Как насчёт того, чтобы сейчас немного потренироваться на кровати? Хорошо, хорошо. Будем тренироваться на полу. Не дави. Я пойду сам. Итак, я развернусь и соскользну вниз. Ты изо всех сил старайся держать меня сверху. Успокойся. Даже если ты позволишь мне умереть от падения, ты всё равно не сможешь вернуться.

---

1. Анлейтер свалил всё в кучу. Он написал госпожа Чжан-Ван-ши. Это крайне неверно. Следовало либо написать госпожа (фужэнь) Чжан, либо Ван-ши. Как говорилось в прошлой

главе, госпожа Чжан – это указание семьи, госпожой которой является женщина. А Ван-ши, это её личное имя, вернее, фамилия. Дело в том, что в Китае женщины, выходя замуж, сохраняют свою фамилию. При это добавляется приставка "-ши". Это указание на её клан, грубо говоря "в девичестве Ван". Фамилия мужа упоминается только в случае описанном ранее, или во время захоронения, когда фамилия супруга пишется ПЕРЕД фамилией женщины. Если девушка, не вступив в брак, умирает, то, по сути, она хоронится "безымянной", и никаких ритуальных подношений ей уже не поднесут.

2. Аналекты или "Лунь юй" (論語) представляют собой сборник идей и высказываний, приписываемых китайскому философу Конфуцию (孔子), и являются одной из четырёх книг, которые считаются классическими примерами конфуцианских текстов. Эта книга похожа на сборник диалогов Платона с Сократом в том, что на самом деле она не была написана Конфуцием, а была составлена его учениками и учёными постфактум. Эта книга обычно использовалась в качестве основного текста для изучения её в древнем Китае из-за моралистических пословиц.

3. Имперские экзамены "кэцзюй" (科舉) была экзаменационной системой в Императорском Китае, которая проверяла знания кандидатов по классике и литературе с целью выбора должностных лиц в каждом последующем раунде, отбирая всё больше и больше людей, одновременно предоставляя образовательные свидетельства, которые были эквивалентны дипломы, дающие определённые привилегии сдавшим. Это был билет к успеху в древнем Китае, создание относительно меритократического класса учёных-чиновников и грамотных, чтобы противостоять аристократии, получившей свои титулы благодаря военным подвигам (обычно предоставляемым в качестве награды за помощь в основании династии или в ходе войн).

4. "Сянлинь Сао" (曹雪芹) – главный герой рассказа Лу Сюня (鲁迅) "Новогоднее жертвоприношение" 1924 года "Новогоднее жертвоприношение", которое является частью сборника "На Хань". (呐喊) или Призыв к оружию. История иллюстрирует различные трагедии, навязанные Сянлинь Сао, которые она переживает, как комментарий о том, насколько бесчеловечными могут быть традиционные китайские обычаи и соответствующий образ мышления. Поскольку в какой-то момент она приобретает привычку оплакивать свою судьбу перед каждым, кто будет её слушать, Чжан Сяо Бао, вероятно, ссылается на этого персонажа, чтобы высмеять Ван Цзюань из-за её постоянных жалоб. "Сао" (嫂) – это термин, используемый для обращения к жене старшего брата, независимо от её фактического возраста по отношению к говорящему. В случае с Сянлинь Сао это используется как вежливый способ обращения к замужней пожилой женщине, и для Лу Сюня это был тонкий способ привлечь внимание к её семейному положению, поскольку это важный сюжетный момент и подчёркивает, насколько зависимым от мужчины был её статус в этом обществе.